

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-558-564

СОТНИКОВ Алексей Евгеньевич,
адвокат адвокатской палаты Санкт-Петербурга
e-mail: advokatsotnikov@mail.ru

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КОНТРАГЕНТА ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК С ПРЕДПОЧТЕНИЕМ: ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения объективных и субъективных критериев при оспаривании сделок с предпочтением несостоятельного должника. На основе анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доктринальных подходов и актуальной судебной практики, включая обзоры Верховного Суда РФ за 2022 и 2024 годы, автор выявляет отсутствие единообразной концепции добросовестности контрагента. Показано, что расширительное толкование Пленумом ВАС РФ пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве фактически смешивает объективные и субъективные составы оспоримости, порождая правовую неопределённость и расширяя пределы судебного усмотрения. Особое внимание уделено дифференциации критериев добросовестности для обычных кредиторов и аффилированных с должником лиц, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что требует более тонкой правовой оценки. Автор критически анализирует правоприменительную конструкцию, предложенную в Постановлении Пленума ВАС РФ № 63, и приходит к выводу о её несоответствии буквальному смыслу законодательных предписаний, поскольку она фактически подменяет кумулятивный состав условий, предусмотренных пунктом 1 статьи 61.3, альтернативным порядком их применения. Вносятся предложения по законодательному закреплению закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также презумпции добросовестности контрагента с возложением бремени опровержения на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых доказательств. Сделан вывод о необходимости достижения разумного баланса между защитой интересов кредиторов несостоятельного должника и стабильностью гражданского оборота, что невозможно без чёткого нормативного определения критериев добросовестного поведения участников оборота.

Ключевые слова: недействительность сделок, банкротство, субъективный подход оценки добросовестности, объективный подход, контролирующее должника лицо, аффилированность, предпочтение, осведомленность контрагента, судебское усмотрение, правовая неопределенность.

SOTNIKOV Alexey Evgenyevich,
attorney at the St. Petersburg Bar Association

CRITERIA FOR THE COUNTERPARTY'S GOOD FAITH IN DISPUTING PREFERENCE TRANSACTIONS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE APPROACHES

Annotation. The article is devoted to the problem of distinguishing objective and subjective criteria when disputing transactions with the preference of an insolvent debtor. Based on the analysis of statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, doctrinal approaches and current judicial practice, including reviews of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022 and 2024, the author identifies the lack of a uniform concept of counterparty integrity. It is shown that the broad interpretation by the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of paragraph 3 of Article 61.3 of the Bankruptcy Law actually mixes objective and subjective elements of contestation, generating legal uncertainty and expanding the limits of judicial discretion. Special attention is paid to differentiating the criteria of

good faith for ordinary creditors and persons affiliated with the debtor, who are a priori deprived of the presumption of good faith, which requires a more subtle legal assessment. The author critically analyzes the law enforcement structure proposed in Resolution No. 63 of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and comes to the conclusion that it does not correspond to the literal meaning of legislative prescriptions, since it actually replaces the cumulative composition of the conditions provided for in paragraph 1 of Article 61.3 with an alternative procedure for their application. Proposals are being made to legislate a closed list of circumstances indicating that the counterparty is aware of the debtor's insolvency, as well as the presumption of the counterparty's good faith, with the burden of refutation being placed on the applicant (the arbitration administrator or creditor) using only direct evidence. The conclusion is made that it is necessary to achieve a reasonable balance between protecting the interests of creditors of an insolvent debtor and the stability of civil turnover, which is impossible without a clear normative definition of criteria for the conscientious behavior of participants in turnover.

Key words: *invalidity of transactions, bankruptcy, subjective approach to assessing good faith, objective approach, controlling debtor, affiliation, preference, counterparty awareness, judicial discretion, legal uncertainty.*

Введение

В современных условиях процедура банкротства физического и юридического лица в подавляющем большинстве случаев сопровождается обращением арбитражного управляющего либо конкурсных кредиторов в суд с заявлением об оспаривании сделок несостоятельного должника. Нередко инициаторами банкротства выступают сами контрагенты должника, преследующие цель возврата активов в конкурсную массу посредством механизма конкурсного оспаривания. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, активность в сфере оспаривания сделок неуклонно возрастает. Так, в 2015 году судами рассмотрено 15 443 заявления об оспаривании сделок должника, в 2016 году – 18 979, в 2017 году – 25 205, в 2018 году – 34 434, в 2019 году – 37 690, в 2020 году – 36 685, в 2021 году – 43 566, в 2022 году – 46 510, в 2023 году – 48 311, в 2024 году – 46 930, а за первое полугодие 2025 года – 21 572 заявления [1]. Указанная динамика свидетельствует о высокой востребованности института конкурсного оспаривания и одновременно актуализирует вопрос о стабильности гражданского оборота в аспекте устойчивости сделок, совершённых должником в преддверии банкротства. В законодательстве о банкротстве, а также в разъяснениях высших судебных инстанций отсутствует единая и непротиворечивая концепция соотношения объективных (формальных) и субъективных (основанных на осведомлённости) критериев при оспаривании сделок с предпочтением. Данный пробел приводит к расширению пределов судебного усмотрения, смещению фактических составов, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» – далее Закон о банкротстве, и, как следствие, к нарушению принципа правовой опре-

делённости и баланса интересов кредиторов и контрагентов должника.

Степень изученности и проработанности проблемы

В современной цивилистической науке господствуют две основные теории оспаривания сделок – субъективная и объективная. Суть объективной теории заключается в закреплении формальных условий признания сделки порочной (время совершения, вид сделки, круг лиц и т.п.). Наличие объективных критериев недействительности, по мнению автора, упрощает процесс доказывания, поскольку фактические обстоятельства совершения сделки сопоставляются с нормативно установленными критериями, на основании чего презюмируется наличие или отсутствие оснований для оспаривания. Значительно более сложным представляется доказывание субъективных условий, таких как осведомлённость стороны о финансовом состоянии контрагента, наличии кредиторов, имеющих приоритетное право на получение исполнения, а также наличие в действиях кредитора должной осмотрительности.

В различные периоды времени указанной проблематике посвящали свои труды такие учёные, как А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич, В.Г. Федоров, К.Б. Кораев, А.А. Аюрова и другие. Традиционно в регулировании сферы оспаривания сделок несостоятельного должника вплоть до последнего времени преобладал объективный подход, что благоприятно сказывалось на стабильности гражданского оборота, однако не всегда отвечало интересам кредиторов должника. Формальные критерии, присущие объективному подходу, не позволяли в полной мере реализовать потенциал конкурсного оспаривания, поскольку возникали сложности при пересмотре сделок, направленных на неправомерный вывод имущества из конкурсной массы, совершённых за пределами

периода подозрительности.

В настоящее время законодатель, стремясь сохранить баланс между интересами кредиторов должника и стабильностью гражданского оборота, использует определённое соотношение объективного и субъективного подходов, что находит выражение в конструкции статьи 61.3 Закона о банкротстве. Объективные признаки недобросовестности контрагента предусмотрены пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве. Их наличие образует самостоятельный юридический состав оспоримости, при этом законодатель не связывает констатацию данных признаков с установлением информированности кредитора о платёжеспособности должника на момент заключения сделки. Пункт 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве устанавливает четыре объективных критерия, формальное наличие которых является достаточным для квалификации сделки как совершённой с предпочтением. К их числу относятся: обеспечительный характер сделки, нарушение очерёдности удовлетворения требований, преждевременное исполнение обязательств и нарушение пропорциональности при удовлетворении требований кредиторов.

В соответствии с пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, сделки, влекущие предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов, могут быть признаны судом недействительными, если они совершены после принятия заявления о признании должника банкротом либо в течение одного месяца до этого. В диспозиции абзаца второго пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве законодателем выделен темпоральный критерий – период, исчисляемый с даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и ретроспективно включающий один месяц, предшествующий указанной дате.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в пункте 9.1 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 63 конкретизирует данный состав, устанавливая, что нахождение сделки в означенном временном интервале образует самостоятельное и достаточное основание для применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, без необходимости исследования факультативных элементов субъективной стороны правоотношений.

Из системного толкования приведённых норм вытекает, что в рассматриваемой ситуации презюмируется сам факт оказания предпочтения, а доказывание обстоятельств, перечисленных в пункте 3 той же статьи (в частности, осведомлённости контрагента о признаках неплатёжеспособности должника или его недобросовестности), утрачивает правовое значение и не входит в пред-

мет доказывания по данному основанию оспаривания.

Субъективный критерий подразумевает наличие недобросовестности кредитора, что является основным предметом доказывания в судебном процессе. В настоящее время законодатель сформулировал субъективный критерий оспоримости сделки в пункте 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве. В пункте 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве закреплён гибридный (смешанный) состав оспоримости, в котором формально-объективный критерий (совершение сделки в период подозрительности, определяемый шестимесячным сроком до возбуждения дела о банкротстве) соединяется с двумя альтернативными квалифицирующими признаками: а) материально-правовыми признаками предпочтения, идентифицируемыми через объективные обстоятельства, перечисленные в абзацах втором и третьем пункта 1; б) субъективным элементом – фактической или потенциальной осведомлённостью контрагента о финансовой несостоятельности должника, которая может устанавливаться как прямыми доказательствами знания, так и косвенными обстоятельствами, позволяющими разумному участнику оборота прийти к выводу о наличии признаков неплатёжеспособности или недостаточности имущества.

В пункте 12 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 установлены основания для признания сделок недействительными, которые можно разделить на две категории. Одна из них основана на объективных признаках, соответствующих положениям, изложенным во втором или третьем абзацах пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве. В основу другой группы оснований положен субъективный подход: определяющим становится владение информацией участниками сделки о наличии признаков неплатёжеспособности должника или недостаточности его имущества, либо знание обстоятельств, указывающих на это.

Правоприменительная конструкция, предложенная в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 применительно к толкованию пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, порождает доктринальные сомнения в части соответствия буквальному смыслу законодательных предписаний. В абзацах втором и третьем пункта 1 статьи 61.3 законодателем императивно закреплён исчерпывающий перечень условий, подлежащих доказыванию для квалификации сделки как совершённой с предпочтением, причём данные условия образуют не альтернативный, а кумулятивный состав. Между тем буквальное прочтение разъяснений, содержащихся в указанном Постановлении, позволяет предположить возможность признания сделки недействительной по основа-

нию предпочтения при установлении лишь одного из предусмотренных законом критериев, что вступает в противоречие с системным толкованием нормы и фактически расширяет пределы судебного усмотрения.

Подобная интерпретация нивелирует требование о совокупности юридических фактов, составляющих предмет доказывания, и создаёт риск подмены законодательно установленных материально-правовых оснований оспаривания их упрощённой процессуальной моделью, что требует критической переоценки со стороны правовой доктрины. При доказывании недействительности сделки существенное значение имеет добросовестность контрагента, при этом следует руководствоваться общегражданским принципом добросовестного поведения.

В своих разъяснениях Пленум Верховного Суда РФ также придерживается общегражданского принципа добросовестности, изложенного в пунктах 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с предписаниями статьи 10 ГК РФ законодателем установлен императивный запрет на реализацию гражданских прав, сопряжённую с причинением вреда иным участникам оборота, совершением действий в обход закона с противоправной целью, а равно с применением любых иных форм поведения, носящих заведомо недобросовестный характер и квалифицируемых в качестве злоупотребления правом.

В системной взаимосвязи с указанной нормой находится часть 4 статьи 1 ГК РФ, закрепляющая принцип недопустимости извлечения имущественных выгод из деяний, совершённых с нарушением законодательных предписаний либо осуществлённых при наличии недобросовестного умысла. Как следует из пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, при определении добросовестности или недобросовестности действий участников гражданского процесса судам необходимо анализировать их поведение сквозь призму разумных ожиданий от участника подобной сделки, который уважает законные интересы другой стороны и стремится к её благополучию, включая помощь в получении нужной информации.

В соответствии с нормами гражданского законодательства участники оборота правоотношений признаются добросовестными, пока не доказано обратное. В научной сфере добросовестность рассматривается с двух сторон: субъективной и объективной. По мнению М.М. Агаркова, с субъективной стороны добросовестность проявляется в неведении субъекта о существовании запрета, который препятствует реализации его прав. Принцип доброй совести подразумевает объек-

тивную оценку разногласий экономических интересов участвующих сторон, которые имеют право ожидать от друг друга действий, соответствующих закону и заключённым договорам, то есть такого поведения, которое каждая сторона могла бы и должна была бы признать приемлемым. [2, ст.16].

Зеккер Ф.Ю. отмечает, что в немецком праве употребляются два термина, обозначающих добросовестность. «Treu und Glauben» обозначает объективную добросовестность, то есть поведение, подпадающее под принципы общей модели, наряду с этим субъективная добросовестность обозначается термином «guten Glauben», то есть добрая совесть как отсутствие знания о факте. Исходя из вышеприведённой классификации, в рамках настоящего исследования нас интересует добросовестность в субъективном смысле как осведомлённость контрагента о фактическом финансовом состоянии должника и наличии иных кредиторов [3, ст.16].

Добросовестное заблуждение относительно финансового состояния контрагента является тем извинительным поведением кредитора, установление факта которого в дальнейшем будет препятствовать признанию заключённой им сделки недействительной. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в абзаце втором пункта 12 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 63 конкретизировал критерии осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, установив примерный (неисчерпывающий) перечень обстоятельств, в числе которых: неоднократные обращения должника с просьбой об отсрочке (рассрочке) платежа, наличие картотеки на расчётном счёте, подача должником заявления о собственном банкротстве, а также иные факты, позволяющие разумному участнику оборота прийти к выводу о несостоятельности контрагента. При этом высший судебный орган специально оговорил, что приведённый перечень не является исчерпывающим, предоставляя судам право оценивать и иные обстоятельства, указывающие на финансовую несостоятельность должника. Общий подход судов, сложившийся в последнее время в отношении установления факта недобросовестности кредитора, заключается в том, что презюмируется добросовестность контрагента, и заинтересованному лицу необходимо её опровергнуть установленными законом средствами доказывания. Недостаточно просто показать, что контрагент при заключении сделки с предпочтением имел формальные признаки недостаточности имущества.

Так, наличие задолженности перед одним кредитором не свидетельствует о неудовлетворительном финансовом состоянии, поскольку неоплата может быть вызвана иными техниче-

скими или конъюнктурными причинами. Наличие картотеки на одном из счетов не означает, что отсутствует возможность производить платежи с другого счёта. Кредитор должен обладать информацией при заключении сделки о реальной неплатёжеспособности должника. Пленум Высшего Арбитражного Суда в Постановлении № 63 указал, что получение исполнения от третьих лиц за должника или в рамках исполнительного производства, равно как и с задержкой, не свидетельствует о том, что кредитору было известно о неплатёжеспособности должника. Нельзя считать кредитора недобросовестным и в случае, если в картотеке арбитражных дел имелись сведения о долговых обязательствах должника перед третьими лицами. При этом судом может быть установлено, что при конкретных обстоятельствах, характере отношений, личности должника или сложившейся обстановке на рынке кредитору следовало бы проверить контрагента, в том числе в вышеуказанной картотеке.

Правовая позиция, выраженная в постановлении Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 18245/12 и поддержанная в последующей судебной практике (в частности, постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2020 по делу № А45-10393/2017), исходит из того, что получение исполнения после возбуждения дела о банкротстве не может квалифицироваться как сделка с предпочтением исключительно на основании формального темпорального критерия. Решающее значение для оценки добросовестности кредитора имеет его субъективное восприятие процедуры банкротства: если инициирование банкротства рассматривалось кредитором как обычный (стандартный) способ исполнения судебного акта, а не как осведомлённость о несостоятельности должника, то оснований для оспаривания сделки по пунктам 1 и 2 статьи 61.3 не имеется.

Пренебрежение вышеуказанными подходами при оценке добросовестности кредитора нередко влечёт судебные ошибки. Суды единодушны в том, что наличие у контрагента информации о возбуждённых исполнительных производствах в отношении должника не является основанием утверждать, что сторона сделки была осведомлена о признаках несостоятельности должника (Постановление ВС РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396). В указанном судебном акте акцентируется внимание на том, что при оценке степени осведомлённости кредитной организации о финансовом положении заёмщика решающее значение имеет установление факта наличия в представленных документах объективных признаков несостоятельности (недостаточности активов)

последнего. При этом сам по себе факт информированности банка о существовании задолженности перед иными кредиторами не может рассматриваться как безусловное доказательство его осведомлённости о неплатёжеспособности заёмщика, поскольку задолженность сама по себе не тождественна критериям банкротства, предусмотренным законодательством.

Предлагаемые методы и подходы и их оригинальность (новизна)

Автор полагает, что единственным способом восстановления баланса интересов кредиторов и стабильности гражданского оборота является законодательное закрепление закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также чёткое разграничение объективных и субъективных оснований оспаривания с императивным указанием на кумулятивный характер условий, предусмотренных п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Целесообразно также нормативно закрепить презумпцию добросовестности контрагента, освободив его от обязанности доказывать отсутствие своей осведомлённости, и возложить бремя опровержения такой презумпции на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых, а не косвенных доказательств. Только такой подход сможет обеспечить предсказуемость конкурсного оспаривания и одновременно защитить права лиц, действовавших разумно и осмотрительно в условиях обычного делового оборота.

Анализ полученных результатов

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что современная правовая модель оспаривания сделок с предпочтением несостоятельного должника страдает существенным дефектом – отсутствием непротиворечивой и формально определённой системы критериев добросовестности контрагента. Законодатель, предусмотрев в п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве объективные и субъективные составы оспариваемости, не смог обеспечить их чёткое разграничение в правоприменительной практике. Расширительное толкование, данное Пленумом ВАС РФ в Постановлении № 63, фактически привело к смешению указанных составов и подмене законодательно установленных условий оспаривания упрощённой процессуальной моделью, что не всегда обоснованно.

Судебная практика последних лет, включая обзоры Верховного Суда РФ за 2022 и 2024 годы, демонстрирует последовательное усиление субъективного элемента при оценке добросовестности кредитора. При этом стандарт «разумного участника оборота», используемый судами, остаётся

оценочным и не имеющим нормативных ориентиров, что порождает правовую неопределённость и ставит добросовестных контрагентов в зависимость от усмотрения конкретного суда. Особую озабоченность вызывает асимметричный подход к аффилированным с должником лицам, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что, хотя и обусловлено корпоративной природой их отношений, требует более тонкой дифференциации с учётом конкретных обстоятельств дела.

Правовая неопределённость в вопросах квалификации добросовестности контрагента негативно сказывается на стабильности гражданского оборота. Рост числа оспариваний сделок (с 15 443 в 2015 году до 46 930 в 2024 году) свидетельствует о высокой востребованности данного института, однако одновременно создаёт риски для добросовестных участников оборота, которые не могут с достаточной степенью уверенности прогнозировать судьбу заключённых ими сделок.

Судебная практика интерпретирует институт конкурсного оспаривания как механизм защиты кредиторов от действий контролирующих лиц, которые могут предпринять шаги по выводу активов перед объявлением банкротства. Поскольку участники одной группы лиц действуют сообща, они лишены возможности возражать против убыточности сделок, так как подобные возражения противоречат их предыдущему поведению. Таким образом, контролирующие должника лица, априори считаются менее добросовестными участниками дела о банкротстве. Такое поражение в правах контролирующих банкрота лиц обусловлено тем, что последние защищены нормами корпоративного права, позволяющие оспаривать сделки, совершенные без необходимого на то согласия или совершенные не в интересах юридического лица (статьи 173.1, 174 ГК РФ и др.).

Основные выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Современная правовая модель оспаривания сделок с предпочтением несостоятельного должника характеризуется отсутствием формально определённой и непротиворечивой системы критериев добросовестности контрагента. Законодатель, предусмотрев в пунктах 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве объективные и субъективные составы оспоримости, не обеспечил их чёткое разграничение в правоприменительной практике. Расширительное толкование, данное Пленумом ВАС РФ в Постановлении № 63, фактически привело к смешению указанных составов и подмене законодательно установленных условий оспаривания упрощённой процессуальной моделью, что

может способствовать формированию неоднозначной судебной практики. Судебная практика последних лет, включая Обзор судебной практики по делам о банкротстве за 2024 год (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) [4], демонстрирует последовательное усиление субъективного элемента при оценке добросовестности кредитора. При этом стандарт «разумного участника оборота», используемый судами, остаётся оценочным и не имеющим нормативных ориентиров, что порождает правовую неопределённость и ставит добросовестных контрагентов в зависимость от усмотрения конкретного суда.

Особую озабоченность вызывает асимметричный подход к аффилированным с должником лицам, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что, хотя и обусловлено корпоративной природой их отношений, требует более тонкой дифференциации. Автор полагает, что единственным способом восстановления баланса интересов кредиторов и стабильности гражданского оборота является законодательное закрепление закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также чёткое разграничение объективных и субъективных оснований оспаривания с императивным указанием на кумулятивный характер условий, предусмотренных п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Целесообразно также нормативно закрепить презумпцию добросовестности контрагента, освободив его от обязанности доказывать отсутствие своей осведомлённости, и возложить бремя опровержения такой презумпции на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых, а не косвенных доказательств. Только такой подход сможет обеспечить предсказуемость конкурсного оспаривания и одновременно защитить права лиц, действовавших разумно и осмотрительно в условиях обычного делового оборота. Таким образом, дальнейшее совершенствование института оспаривания сделок с предпочтением должно быть направлено на достижение разумного баланса между защитой интересов кредиторов несостоятельного должника и обеспечением стабильности и предсказуемости гражданского оборота, что невозможно без чёткого нормативного определения критериев добросовестного поведения участников оборота.

Список литературы:

- [1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 06.07.2026).
- [2] Новицкий И. Б. Принцип доброй совести

в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. - 2006. - № 1. - С. 124-181.

[3] Зеккер Ф.Ю. Общие основы частного права // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии: Пер. с нем. М.: БЕК, 2001. С. 16.

[4] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год : [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025] // КонсультантПлюс : [справочно-правовая система]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.07.2026).

References:

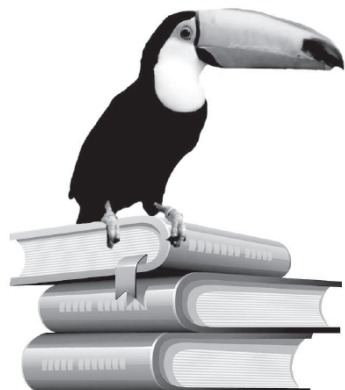
[1] Judicial Department under the Supreme

Court of the Russian Federation: [official website]. - URL: <http://www.cdep.ru/> (access date: 06.07.2026).

[2] Novitsky I. B. The principle of good conscience in the draft of compulsory law // Bulletin of civil law. - 2006. - № 1. - S. 124-181.

[3] Secker F.Yu. General Foundations of Private Law // Problems of German Civil and Business Law: Per. since German M.: BECK, 2001. S. 16.

[4] Review of the judicial practice of resolving insolvency (bankruptcy) disputes for 2024: [approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.04.2025] // ConsultantPlus: [reference legal system]. - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 06.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.